

с отчетом за 1905 г., объяснял, оправдывая пассивность Академии: «На первый взгляд может казаться, — говорил он, — что Академия недостаточно ярко и сильно откликнулась на запросы обновлявшейся родины, но такое заключение не будет справедливым, ибо Академия наук, как учреждение чисто научное, всегда только до известной степени может непосредственно отзываться на явления текущей жизни. Между наукой и жизнью всегда будет известная грань, преступить которую без ущерба для себя не могут ни жизнь, ни наука»³⁶⁶.

После издания «Манифеста 17 октября» в Академии начался процесс размежевания групп по политическим партиям. Основную группу составляли кадеты: Ольденбург, Лаппо-Данилевский, Шахматов, Фаминцын, Веселовский, Бородин. Эта группа пополнялась вновь избранными академиками и до 1914 г. играла в Академии ведущую роль, определяя ее общественное лицо; Академию поэтому иногда называли «кадетским корпусом». Несколько человек, Никитин, Розен, Залеман, вступили в «Союз 17 октября». В отличие от членов кадетской партии октябристы были сдержанны в выражении своих политических пристрастий в стенах Академии и избегали политически окрашенных выступлений. Часть научного персонала учреждений составляла народническую группу, в том числе Л. Я. Штернберг и Д. А. Клеменц. Четкой правительственной ориентации придерживались академики, занимавшие высокие государственные посты: Сонин, Латышев, Голицын, Соболевский. Марков причислял себя к левым³⁶⁷. Остальная часть академиков держала себя нейтрально, относясь сочувственно к общественному движению.

*Выборы выборщиков в Государственный совет
в 1906 и 1907 гг.*

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» принес важные демократические перемены. Законодательная власть распределилась между монархом, Думой и преобразованным Государственным советом. Прежде Госсовет был чисто совещательным

уверенности, что там (это туманное „там“) что-то сделаешь действительно годное. Был у меня Александр Николаевич (Веселовский. — Е. Б.) — тоскует, говорит: «Кончаю Петрарку, а на что нам теперь Петрарка?» <...> По всей Академии идет ремонт и приходится нет-нет, да и заглянуть, впечатление тяжелое: небрежность, лень, недобросовестность — не мудрено, что японцы нас бьют и бьют... Грустно, безвыходно грустно»: ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1088. Л. 11–12 об. Письмо С. Ф. Ольденбурга А. А. Шахматову от 16.07.1905.

³⁶⁶ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям. СПб., 1905. С. 5.

³⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 1а. Д. 10. Л. 19 об.

собранием пожизненно назначавшихся царем престарелых сановников, теперь же указом 20 февраля 1906 г. Госсовет был превращен во вторую палату российского парламента, наделенную равными с Думой правами. Начиная с этого времени для вступления закона в силу требовалось его одобрение обеими палатами и монархом. Предполагалось, что Госсовет будет «умерять» чересчур демократическую Думу, потому что он должен был сохранить свой консервативный характер. Госсовет стал наполовину выборным, но не от населения, а от «корпораций», в том числе и от Академии наук.

Выборы выборщиков в Государственный совет по академической курии проходили 18–20 марта 1906 г. на трех заседаниях и закончились победой кадетов. Большой интерес представляет отчет Никитина об этих выборах и о расстановке сил в Академии в связи с ними, поэтому приведем его полностью: «Перед открытием каждого заседания намечались записками кандидаты, а самые выборы производились шарами; всех кандидатов баллотировали одновременно, для чего выставялось столько урн, сколько было кандидатов, не отказавшихся от баллотировки. Довольно задолго до первого заседания так называемыми кадетами намечены были их кандидаты: Шахматов, Лаппо-Данилевский, Фаминцын. Пред самыми заседаниями в записках назывались многие другие; некоторые из названных отказывались. В первом заседании баллотировались Шахматов, Лаппо-Данилевский, Бородин, Фаминцын, я, Розен, Кондаков. Первых пять я назвал в порядке чисел избирательных шаров, ими полученных: эти числа были: 24, 20, 14, 13, 12. Розен и Кондаков получили еще меньше. Избранными могли быть признаны только первые двое, так как по правилам о выборах для действительности избрания в первые два дня требуется не менее половины голосов избирателей, а в первом нашем заседании избирателей было 31.

Впрочем, в некоторых отношениях правила не вполне ясны. Мы поняли их так, что в один и тот же день нельзя несколько раз баллотировать одних и тех же лиц. Поэтому для выборов третьего выборщика собрались снова в 11 часов утра. Присутствовало 26 человек. Записок получили: Бородин 15, Фаминцын 11, я 6, Фортунатов 3, Розен 2, и еще понемногу некоторые другие, тотчас отказавшиеся от баллотировки. Отказался и Фаминцын голосом, в котором слышалась плохо скрываемая горечь обиды. Баллотировка дала Бородину 13 шаров, мне 11, Фортунатову 10, Розену 8; таким образом никто избран не был. По правилам, как мы их поняли, третья баллотировка должна происходить в день, непосредственно следующий за вторым днем выборов. Но на понедельник назначены выборы городских выборщиков Государственной думы; некоторые члены Академии (трое или

четверо) приглашены в этот день в составе избирательных комиссий, занятия которых могут затянуться до поздней ночи. После долгих споров большинство решило, чтобы не нарушить буквы закона и вместе чтобы избежать необходимости собираться в понедельник днем, назначить выборы на четверть первого часа утра 20 марта, т. е. ночью на сегодня. Против выбора такого необычного и, конечно, во многих отношениях неудобного времени для академического заседания сильно возражали Латышев, Сонин, Янжул, и сами в ночное заседание не явились. Но их ожидания, что собрание окажется слишком малолюдным, не оправдались: собралось 25 человек. Я присоединился к мнению большинства, потому что хотел во что бы то ни стало предотвратить назначение собрания на понедельник. Выборы выборщиков Государственной Думы по Василеостровскому участку, где избирателей считается около 16. 000, происходят в здании университета. В предупреждение всяких случайностей, как по некоторым признакам можно думать, по соседству размещены будут внушительные полицейские, а может быть — и военные силы; по всей вероятности занят будет и двор Академии; а при этих условиях устройство академического собрания легко могло бы повести к очень нежелательным осложнениям.

Пред началом ночного заседания Бородин получил в свою пользу 20 записок, Фаминцын — 7, я — 6, Фортунатов — 7, Розен — одну мою; было еще несколько кандидатов, которые отказались. Отказался Фаминцын, тогда снял свою кандидатуру и я. Уже с первого заседания было ясно, что третьим выборщиком будет или Фаминцын или Бородин. Я знал, что никаких серьезных шансов не имею; но не снимал своей кандидатуры раньше потому, что считаю второго из этих двух кандидатов более желательным, чем первый. Я опасался, что, если выборы сведутся к единоборству между ними двумя, то Бородин из деликатности или по соображениям партийной дисциплины откажется, и тогда будет выбран Фаминцын, так как на третий день выборов требуется уже не абсолютное, а относительное большинство. Как только Фаминцын отказался окончательно, я счел себя в праве не испытывать в третий раз ощущений кандидата забаллотированного. Отказался и Фортунатов. Бородин получил 22 шара, Розен — 7»³⁶⁸.

В первый созыв Государственного совета 1906 г. были избраны кадеты Шахматов и Лаппо-Данилевский, последний выступил в Государственном совете лишь однажды по вопросу о поддержке ходатайств Государственной Думы о всеобщей и полной политической амнистии. Впрочем, пребывание академиков в Государственном совете закончилось быстро, все 5 членов

³⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 17 об.—19. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 20.03.1906.

академической курии после разгрома I Государственной думы (9 июля 1906 г.) вышли по мотивам солидарности и партийной дисциплины из состава Совета. Официально Лаппо-Данилевский в Общем собрании Академии мотивировал выход разочарованием в политике.

В начале февраля 1907 г. вновь прошли выборы Академией выборщиков для избрания членов Государственного совета³⁶⁹. По отчету Никитина, 1 февраля в собрании участвовало 28 академиков; баллотировались и получили избирательных голосов: Бородин — 21, Лаппо-Данилевский — 14, Никитин — 14, Розен — 14, Шахматов — 14, Кондаков — 13, Соболевский — 8, Ламанский — 6, Фаминцын (отсутствующий) — 4. На следующий день, 2 февраля, было 26 академиков; баллотировались и получили избирательных голосов: Никитин — 16, Шахматов — 16, Фортунатов — 14, Лаппо-Данилевский — 12, Кондаков — 11, Розен — 11, Корш (отсутствующий) — 3. Избранными, следовательно, оказались: Бородин, Шахматов и Никитин. Исход выборов Никитин назвал неожиданным и объяснил нежеланием Шахматова и Лаппо-Данилевского снова попасть в члены Государственного совета; по его словам, «отбывание этой повинности прошлым летом доставило им, привыкшим сполна пользоваться каникулярным досугом вдали от Петербурга, слишком много неудобств, хлопот и лишений. Если они не отказались ныне вовсе от баллотировки, то <...> только потому, что не решились открыто противиться воле своей партии»³⁷⁰. Никто из выборщиков в члены Госсовета не попал³⁷¹.

Разгон II Государственной думы 3 июня 1907 г. и изменение в положении о выборах привели к нестабильности. Вскоре после третьеиюньского

³⁶⁹ В ноябре 1906 г. на службу в Академию наук рядовым библиотекарем чуть было не попал П. Н. Милюков. Шахматов получил от директора психиатрической больницы Тимофеева 300 руб. в виде пожертвования, с тем условием, чтобы к работе в библиотеке был привлечен П. Н. Милюков. Шахматов готов был поручить Милюкову составление систематического каталога по русской истории. Милюков выразил готовность выполнить эту работу, но поставил условием привлечение его в качестве лица, служащего по найму, и заявление в Городскую управу о внесении его дополнительно в список лиц, служащих в Академии и имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу. Эти требования были оговорены Шахматовым с Никитиным и получено его одобрение, и Милюков на этих условиях был принят на службу в библиотеку. Но уже в начале декабря Милюков был произвольно исключен из списков, посланных в Городскую управу. Деньги Тимофееву были возвращены, и Милюкову никакой библиотечной работы не поручено: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 65. Л. 1. Письмо А. А. Шахматова П. В. Никитину от 14.11.1906 г.

³⁷⁰ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 13–13 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.02.1907.

³⁷¹ От Академической курии в Госсовет были избраны: математик А. В. Васильев (Казанский университет), геолог В. И. Вернадский (Московский университет), юристы Д. Д. Grimm (Петербургский университет), М. М. Ковалевский (Петербургский университет) Е. Н. Трубецкой 2-й (Московский университет).

кризиса Никитин писал Янжулу: «Мы — словно на кружащейся платформе едем — вращаемся в кругу все одних и тех же ощущений: забастовки, погромы, подстрелы и расстрелы, разбои и бунты. Опять, как в прошлую зиму, пришлось запастись мукой, потому что бастовали булочные и кондитерские. Опять доехали мы до военных волнений в Севастополе и Кронштадте... Работают еще железные дороги, но больше месяца бастуют черноморские пароходы»³⁷². Деятельность III Государственной думы (1.11.1907–9.06.1912, пять сессий) была плодотворной: среди прочего она приняла новый Штат Академии наук. Время работы IV Государственной думы (15.11.1912–6(19).10.1917) пришлось на годы Первой мировой войны и Февральскую революцию 1917 г.

*Военный и полицейский постой
в академических дворах и зданиях*

Одним из способов выражения Академией наук своего отношения к происходившим событиям 1905–1907 гг. были протесты против военного и полицейского поста в ее помещениях. Определяющий голос в решении вопроса о допустимости в академических зданиях военного и полицейского поста принадлежал президенту Академии, который, как человек военный и государственный, твердо стоял на том, что предоставление казенных зданий для нужд властей, призванных охранять спокойствие граждан, в том числе и академиков, являлось прямым долгом государственного учреждения. Никитин стал своего рода посредником между академическим сообществом, президентом, городскими властями и правительством.

7 января 1905 г. по окнам Зимнего дворца стреляли со стороны Васильевского острова, и в зданиях Академии наук был произведен обыск. 9 января 1905 г. произошла страшная расправа над безоружной толпой. Отчаянные вспышки ярости рабочих произошли уже во вторую половину дня 9 января и вылились в попытки строительства баррикад. 10 января остановились все 625 предприятий столицы. Следующие несколько дней город был во власти казачьего и полицейского произвола. Уже 10 января во дворах и помещениях Академии наук в Таможенном переулке, а несколько дней спустя в здании Зоологического музея, разместились воинские и полицейские части. Был даже случай избияния сотрудника Академии. Директор Музея антропологии и этнографии академик Радлов наблюдал из окна музея сцену, которую описал в тот же день, 10 января, президенту Академии: «...вышел из ворот главного здания работающий в археологическом отделении музея действительный член Археологического

³⁷² ПФА РАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 725. Письмо П. В. Никитина И. И. Янжулу от 22.06.1907.